

*Писатели-патриоты
великой родины*

*
П. А. ВЯЗЕМСКИЙ ☺

(1792-1878)

О Г И З

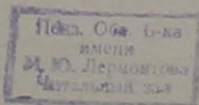
Гослитиздат 1944

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ

*Подбор текста
и вступительная статья*

Б. М. ДРУГОВА

1960 г.

О Г И З *

Государственное издательство
художественной литературы

МОСКВА 1944

1956

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

*А. М. Еюлина, Е. Н. Михайловой,
И. Н. Розанова*

7 030.2

СТИХИ ВЯЗЕМСКОГО

Подобно другим поэтам «пушкинской плеяды», Вяземский остаётся как бы в тени от гигантской фигуры Пушкина, неповторимым образом вместившего в своём творчестве всё многообразие ярчайших поэтических дарований первой трети XIX века. Между тем историческое значение литературных современников Пушкина определяется не только влиянием на них его поэзии, но и воздействием художественного опыта Вяземского, Баратынского, Языкова и других на самого Пушкина. Пушкин отлично осознавал тесную свою связь с этой «поэтической дружиной» и особенно ценил Вяземского.

Сатирик и поэт любовный,
Наш Аристип и Асмодей,
Ты не племянник Анны Львовны,
Покойной тётушки моей.
Писатель нежный, тонкий, острый,
Мой дядюшка — не дядя твой,
Но, милый, — музы наши сёстры,
Итак, ты всё же братец мой.

*(Из письма Пушкина
П. А. Вяземскому)*

Пётр Андреевич Вяземский родился 12 июля 1792 года. Первые впечатления его детства и отрочества были связаны с Москвой, с её «древностью благоуханной» и подмосковным Остафьевым — имением Вяземских, где впоследствии подолгу гостил Пушкин. Молодой Вяземский как поэт унаследовал лучшие традиции русской литературы и высоко чтит Карамзина, Дмитриева, Жуковского и Державина, отзвуки стихов которого слышны в его, по выражению Пушкина, «пла-

менных стихах» о природе («Первый снег», «Нарвский водопад») и в политической лирике («Негодование»).

Отечественная война 1812 года вызвала в Вяземском огромный подъём патриотического чувства. Вяземский, участник Бородинского боя (добровольцем он вступил в полк Мамонова), через пятьдесят лет, на своём юбилее, заявил, что главным делом своей жизни он считает участие в Отечественной войне, а несколько ранее, в годы Крымской войны, издал за границей, в защиту русского народа и русского государства, книгу с характерным названием «Письма русского ветерана 1812 года». Патриотическое направление поэзии Вяземского отражалось в тематике, жанрах и национальном колорите его стиха. Вяземский в начале своей поэтической деятельности писал в характерном для XVIII века жанре посланий, но «лёгкий слог» и вся традиционная форма посланий преобразованы у него, например в стихотворении «К Жуковскому», патриотической идеей воинского долга. Высшая доблесть русского воина, говорит Вяземский, это отдать свою жизнь в дар родине, родной Москве:

...За смерть в боях утраченных друзей,
И роковым постигнутый ударом,
Он скажет, свой смыкая мутный взор:
«Москва! я твой питомец с юных пор,
«И смерть моя — тебе последним даром!»

В стихотворении «Русский пашник» воин мучительно переживает свой плен, но его поддерживают воспоминания о бое и святая жажда отмщения:

Врагам я отдал меч булатной,
Но меч, иссеченный трикратно,
Был кровью дерзких обогрён:
Глаза подёрнул смерти сон.
О воины Москвы и чести!
Товарищ вам не изменил;
Сочтите раны: жажду мести
Я током крови утолил.

Патриотическое одушевление поэзии Вяземского перерастает в послевоенные годы в оппозиционные настроения, и он обращается к жанру политической гражданской лирики. В «Петербурге» поэт верит в «Александров век», считая его веком побед русского оружия, ждёт реформ от Александра I, но уже в «Негодовании» своим «карающим стихом» клеймит «неистовых врагов» свободы «низких льстецов», слуг «властолюбия»:

Хранители казны народной,
На правый суд сберитесь вы;
Ответствуйте: где дань отчаянной вдовы?
Где подать сироты голодной?
Корыстной рукой заграбил их разврат.
Презрев укор людей, забыв небес угрозы,
Испили жадно вы средь пиршеских прохлад
Кровавый пот труда и нищенские слезы.

«Негодование» перекликается с пушкинской «Вольностью», и его идея суда над «притеснителями», «отступниками природы», торжественная, приподнятая речь и прерывистый ритмический узор стиха готовят «На смерть поэта» Лермонтова. Оппозиционные стихи Вяземского («К кораблю», «Послание к М. Т. Каченовскому», «Сибирякову» — послание к крепостному самоучке-поэту, в выкупе которого Вяземский участвовал вместе с Жуковским), распространялись в списках и занимали видное место в поэзии декабризма. Не скрывал Вяземский своих настроений и на службе (с 1818 года он служил в Варшаве, в канцелярии императорского комиссара Новосильцева) и даже участвовал в составлении записки о проекте освобождения крестьян. Всё это привело в 1821 году к отставке Вяземского и тайному полицейскому за ним надзору.

* * *

Вяземский одним из первых в русской литературе признал бессмертный гений Пушкина и в 1825 году писал о нём как о славе и гордости России:

Его удел — блеск славы горделивой,
Сияющей из лона бурных туч.

На всех этапах литературной деятельности Пушкина Вяземский является его боевым соратником, сотрудничает с ним в «Литературной газете» и «Современнике», страстно защищает передовую литературу Запада и России, громит реакционную журналистику Булгаринных и Гречей и пользуется исключительным авторитетом у Пушкина, который видел в его статьях «отпечаток ума тонкого, наблюдательного, оригинального». Пушкин посвятил Вяземскому много стихов («К портрету кн. П. А. Вяземского», «Язвительный поэт, остряк замысловатый», «Любезный Вяземский, поэт и камергер» и т. д.), стихотворных упоминаний, а в VII главе «Евгения Онегина» познакомил героиню романа с Вяземским. В основе этой дружбы Пушкина и Вяземского была идея совместного служения родине. «Предприимчивый, постылиный труд, — писал Пушкин Вяземскому в 1822 году, — пиши в тишине самовластия... Люди, которые умеют читать и писать, скоро будут нужны в России».

«Родство» обоих поэтов, которое подчёркивал Пушкин («музы наши сёстры»), можно проследить на совместном развитии Пушкиным и Вяземским темы защиты родины в Отечественной войне 1812 года, в изображении ими героического прошлого России и фигуры Петра I («Петербург», «Воли не давай рукам» Вяземского, «Стансы» Пушкина), в жанрах литературной сатиры и эпиграммы. Пересечение однородных мотивов, сходных сюжетов, поэтические отклики на прочитанные стихи друг друга — постоянно возникают в поэзии Вяземского и Пушкина (например, «Волнение», «Море» Вяземского и «Погасло дневное светило», «К морю», «Так, море, древний душегубец» Пушкина; «Первый снег» Вяземского и «Зимнее утро» Пушкина), что свидетельствует не о подражании, а о творческой близости Пушкина и Вяземского.

Так скрещивались пути Вяземского и Пушкина: и в жизни, в исповедании передовых взглядов, в отчуждённости от светской черни, в преследованиях со стороны правящей клики. Оба поэта порой как бы сливались в восприятии Николая I, который, узнав об одновременном приезде в 1830 году Пушкина — в Москву, а Вяземского — в Петербург, заметил Жуковскому: «Один сумасшедший уехал, а другой сумасшедший приехал». В этой обстановке полицейской слежки, вызовов к Бенкендорфу, цензурной травли Вяземский вынужден был искать службу, потому что уклонение от неё родовитого князя и оппозиционного литератора явилось бы новым доказательством его неблагонадёжности. Но Николаю I понадобилось унижить Вяземского требованием извинительных от него писем, прежде чем издательски предоставить ему место чиновника особых поручений по министерству финансов, — дело, к которому поэт считал себя совсем неспособным. Далее началось служебное восхождение Вяземского (в старости — сенатор и член Государственного совета), временами замедленное личной неприязнью Николая I к поэту. В 1833 году царь отклонил представление о производстве Вяземского в статские советники, ибо, по объяснению Бенкендорфа, незадолго до этого, по случаю пожалования петербургского генерал-губернатора Эссена графом, Вяземский обмолвился, что напрасно Эссена «не пожаловали князем Пожарским».

В последние годы жизни, придворный и сановник, далекий от демократических и радикальных тенденций в литературе 60—70 гг., как поэт, Вяземский во многом остался верным эстетическим идеалам пушкинского времени, в своей патриотической поэзии, философско-атеистической лирике, в цикле стихов под названием «Поминки» об ушедших друзьях — Пушкине, Языкове, Гоголе и Жуковском. Умер Вяземский 10 ноября 1878 года.

* * *

Характерной чертой поэзии Вяземского является её яркий русский колорит. «Я себя называю, — писал он, — природным русским поэтом, потому, что копаюсь всё на своей земле...» В другом месте Вяземский

говорит: «Мне часто приходило на ум написать свою «Россиаду»... домашнюю, обиходную, сборник, энциклопедический словарь всех возможных руссизмов, не только словесных, но и умственных и нравных». Любовь к своему, русскому, к «руссизмам» превосходно уживалась у него с европеизмом, и поэт, высмеивая ненужную иностранщину в речи, в то же время призывал к культурному сближению России и Запада в литературе и языке.

Вяземский свободно владеет самыми разнообразными жанрами, от оды до пейзажной лирики и изящной альбомной записи. Но особенно оригинален он в жанре стихотворного фельетона, сатирические куплеты которого, расцвеченные остротами и каламбурами, связаны рефреном — ходовым оборотом речи, поговоркой, пословицей («В шляпе дело», «Семь пятниц на неделе», «Того-сего», «Воли не давай рукам», «Ухаб» и т. п.). Жанр этот привлекает Вяземского своей сатирической установкой и свободной композицией, что сразу же открывает путь русскому просторечию, освобождает от традиционных условностей. В этом жанре Вяземский оказал заметное влияние на развитие русской сатирической поэзии.

В стихотворении «На память», посвящённом смерти Пушкина, Вяземский уподобил свой стих «верному часовому», у которого один отклик: «Россия!» С проникновенной лиричностью выражена в его стихах любовь русского человека к родине, её славному прошлому и её героям. На закате дней своих прославляет он «милую мать» — родную Москву:

В памяти набожной ныне
Прошлым нежней дорожу:
Старый паломник, к святыне
Молча к Москве подхожу.
Жертвы вечерней кадилом
Будет Москве мой привет,
В память о прошлом, мне милом,
Братьям, которых уж нет.
Манит меня их дружина,
Полный раздумья стою:
Благословила бы сына,
Милую мать молю.

(«Москва»)

Русская природа, бескрайные просторы («Степь», «Степью»), леса, бесконечные дороги и причудливые просёлки, освещённые то в юмористической, то в лирически-нежной, грустной трактовке («Русские просёлки», «Дорожная дума»), поверья и преданья старины, народные песни, обычаи, обряды — что окружает русского человека со дня рождения, бесконечно дорого его сердцу; что формирует национальный характер, побуждает совершать подвиги и отдавать «последним даром» свою жизнь во славу России и родной Москвы, — всё это было главной

основой поэзии Вяземского. И это сообщало его стихам большое лирическое волнение, энергию, разговорную живость интонаций, картинность, черты новаторства, творческой смелости.

Вяземский, поэт высокой культуры, видел и тёмные стороны старого русского быта, и в сатирических его стихах не мало горечи и тоски передового человека XIX века. Но он умел смотреть вперёд, призывал к культурному и техническому прогрессу, верил в силы и будущее России. Недаром через всё его творчество проходит тема Петра I, который, по его выражению, «с бою взял то, в чём нуждался наш народ». Написанный в 1867 году «Петр Алексеевич» — шедевр семидесятилетнего поэта. В этом стихотворении воссоздан образ, поражающий убедительным сочетанием человечности и простоты Петра Алексеевича с монументальностью, богатырским творческим размахом Петра I:

Вот отчего, когда стрелюю
Наш поезд огненный летит,
На нас с завистливой тоскою
Пётр Алексеевич глядит.
Утешься, сокол наш родимый!
Не ты ль нас закалил в борьбе?
Нет, не пройдёт над Русью мимо
Святая память о тебе.

Всё дало плод, даёт задаток,
Твой мудрый светоч не погас!
И наш петровский отпечаток
Веками не сотрётся с нас!

В этом, как бы итоговом, стихотворении отчётливо раскрыто главное направление национально-патриотической тематики стихов Вяземского, сподвижника Пушкина, достойного друга Жуковского и Гоголя.

Б. Другов

К ЖУКОВСКОМУ

И так, мой друг, увидимся мы вновь
В Москве, всегда священной нам и милой:
В ней знали мы и дружбу, и любовь,
И счастье в ней дни наши золотило!
Из детства, друг, для нас была она
Святыищем драгих воспоминаний.
Протекших бед, веселий, слёз, желаний;
Здесь повесть нам везде оживлена.
Здесь красится дней наших старина,
Дней младости и ясных и веселых,
Мелькнувших нам едва и отлетелых.
Но что теперь твой встретит мрачный взгляд
В столице сей и мира и отрад?
Ряды могил, развалин обгорелых,—
И степь полей пустых, осиротелых,—
Следы врагов, злодейства гнусных чад.
Наук, забав и роскоши столица—
Издравле край любви и красоты—
Есть ныне край и слёз и нищеты.
Здесь бледная скитается вдовица,
Там слышен вопль младенца-сироты;
Их застаёт румяная денница.
В слезах, и ночь их застаёт в слезах,
А там старик, прибрёдший на клюках,

На хладный пепл родного пепелища,
Не узнаёт знакомого жилища,
Где он, склоня главу на дщери грудь,
Мнил в тишине сном вечности заснуть;
Теперь один рукою молит нищей
Он для себя приюта на кладбище.
Пусть будет тих его последний час,
Пускай мечты его обманут муку,
Пусть слышится ему дочерний глас,
Пусть, в гроб сходя, он мнит подать ей руку!

Счастлив, мой друг, кто мрачных сих картин,
Сих ужасов и бедствий удаленный,
И строгих уз семейных отчужденный,
Своей судьбы единый властелин,
Летит теперь, отмщеньем вдохновенный,
Под знамена карающих дружин!
Счастлив, кто меч, отчизне посвященный,
Подъял за прах родных, за дом царей,
За смерть в боях утраченных друзей,
И, роковым постигнутый ударом,
Он скажет, свой смыкая мутный взор:
„Москва! я твой питомец с юных пор,—
И смерть моя—тебе последним даром!“
Я жду тебя, товарищ милый мой,
И по местам, уныню посвященным,
Мы медленно пойдём рука с рукой
Бродить, мечтам предавшись потаенным;
Здесь тускл зари пылающий венец,
Здесь мрачен день в краю опустошений,
И скорби сын, развалин сих жилец,
Склоня чело, объятый думой гений,
Гласит на них протяжно: нет Москвы!
И хладный прах, и рухнувшие своды,
И древний Кремль, и ропотные воды
Ужасной сей исполнены молвы.

На бреге Сены знаменитой,
Сын брани, славою забытый,
Обезоруженный герой,
Пел русской пленник в час ночной:
„Нам, воины Москвы и чести!
Удел завидный дан судьбой:
В кровавой битве жажда мести;
Средь бедствий твёрдость и покой!“

Врагам я отдал меч булатной,
Но меч, иссеченный трикратно,
Был кровью дерзких обagrён:
Глаза подёрнул смерти сон.
О воины Москвы и чести!
Товарищ вам не изменил;
Считите раны: жажду мести
Я током крови утолил.

Узрю ли вас, друзья-герои!
И скоро ли блестящи строи
Обстанут вокруг надменных стен?
Победа выкупит мой плен.
О воины Москвы и чести!
Пройдите дальние поля!
Потухнет огонь священной мести
С позором древнего Кремля!“

Он пел, и берег молчаливый
Его протяжные отзвуки
Из края в край передавал,
И ропот волн им отвечал;

Туман, разлитый над рекою,
При свежем ветерке редел,
И месяц долгою струёю
В волнах трепещущих бледнел!

Денница на небе светлела,
И Сена тихая алела,
Небес рисуя яркий свод;
Наш пленник в тишине поёт:
„О воины Москвы и чести!
Пройдите дальние поля!
Потухнет огонь священной мести
С позором древнего Кремля!“

Но вдруг на бреге молчаливом
Перуны вторятся отзывом;
Шум битвы тишину прервал,
И брег безмолвный застоял,
И в сердце юного героя
Шум битвы тишину прервал,
Он слышит глас знакома боя,
И в нём надежда ожила!

Где меч мой праздный, охладелый?
Где конь, в боях товарищ смелый,
Краса кавказских табунов?
Он, вспомня клятву данных слов:
О воины Москвы и чести!
Поёт при Сенских берегах,
Он запылал — день ярой мести,
А в ваших нет меня рядах!

Но битвы шум умолк, и Сена
Зрит с гневом русские знамена
На красных берегах своих,
И резвый ветер колышет их.

О! развевайтесь горделиво,
Знамена, честь Кремлёвских стен!
Ты, воин, встрети день счастливый:
Победой выкуплен твой плен!

И на чело от ран священо
Он шлем надвинул оперенный,
Схватил рукой горящий меч,
И к братьям простирает речь:
„О воины Москвы и чести!
Я вашей славы не делил,
Но в тяжком плене чувством мести
Товарищ вас достойный был!“

1815

ВЕЧЕР НА ВОЛГЕ

Дыханье вечера долину освежило,
Благоухает дров трепещущая сень,
И яркое светило,
Спустившись в недра вод, уже переступило
Пылающих небес последнюю ступень.
Повсюду разлилось священное молчанье.
Почило на волнах
Игривых ветров трепетанье,
И скатерть синих вод сравнялась в берегах.
Чья кисть, соперница природы,
О Волга, рек краса! тебя изобразит?
Кто в облачной дали конец тебе прозрит?
С лазурной высотой твои сравнялись воды,
И поражённый взор, оцепенев, стоит
Над влажною равниной;
Иль, увлекаемый окрестною картиной,
Он бродит по твоим красивым берегам;
Здесь тёмный ряд лесов под ризою туманов,

Гряды воздушная синеющих курганов,
Вдали громада сёл, лежащих по горам;
Луга, платящие дань злачную стадам;
Поля, одетые волнующимся златом,
И взор теряется с прибережных вершин
 В разнообразии богатом
 Очаровательных картин.

Но вдруг перед собой зрю новое явление:
 Плывущим островам подобясь вдали,
Огромные суда в медлительном паренье
Несут по лону вод сокровища земли;
Их крылья смелые по воздуху белеют,
Их мачты, как в водах бродящий лес, темнеют.

Люблю в вечерний час, очарованья полн,
 Прислушивать, о Волга величава!
Глас поэтический твоих священных волн;
В них отзывается России древней слава.
Или, покинув брег, люблю гнать резвый чолн
По ропотным твоим зыбям,— и сердцем весел,
 Под шумом дружных весел,
Забывшись, на яву один дремать в мечтах.
Поэзии сынам твои знакомы воды!
И Музы на твоих прохладных берегах
 В шумящих тростниках,
 В час утренней свободы,
 С цевницами в руках,
 Водили хороводы
 Со стай нимф младых,
 И отзвг гор крутых,
 И вековые своды
 Встревоженных дубрав,
 Их песнями звучали,
 И звонкий глас забав
 Окрест передавали.

Державин, Нестор Муз, и мудрый Карамзин,
И Дмитриев, Харит счастливый обожатель,

Величья твоего певец-повествователь,
Тобой воспоены средь отческих долин.
Младое пенье их твой берег оглашало,
И слава их чиста, как вод твоих зеркало,
Когда глядится в них лазурный свод небес,
Безмолвной тишиной окован ближний лес,
И резвый ветерок не шевелит струёю.
Их гений мужествен, как гений вод твоих,
Когда гроза во тьме клубится над тобою,
И пеною кипят громады волн седых;
Противник наглых бурь, он злобе их упорной
Смеётся, опершись на брег ему покорной;
Обширен их полёт, как бег обширен твой;
Как ты, сверша свой путь, назначенный судьбой,
В пучины Каспия мчишь волны обновлены,
Так славные их дни, согражданам свящённы,
Сольются, круг сверша, с бессмертием в веках!
Но мне ли помышлять, но мне ли петь о славе?
Мой жребий: бег ручья в безвестных берегах
Виющийся в дубраве!
Счастлив он, если мог цветы струёй омыть
И ропотом приятным
Младых любовников шаги остановить,
И сердце их склонить к мечтаньям благодатным.

1815

ПЕТЕРБУРГ

(Отрывок)

Я зрю сей Петроград чудесный, величавый,
По манию Петра воздвигшийся из блат,
Наследный памятник его могущей славы,
Потомками его украшенный стократ!
Повсюду зрю следы великия державы,
И Русской славою след каждый озарён.

Се Пётр, ещё живой в меди красноречивой!
Под ним Полтавский конь, предтеча горделивой
Победы искони сопутственных знамен!
Он царствует ещё над созданным им градом,
Приосеня его державною рукой,
Народной чести страж и злобе страх немой!
Пускай враги дерзнут, вооружённые адом,
Нести к твоим брегам кровавый меч войны,
Герой! их отразишь ты неподвижным взглядом,
Готовый пасть на них с отважной крутизны.
Бегут! и где враги? и снежные сугробы
В пустынях занесли следы безумной злобы...

1818

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Пусть нежный баловень полуденной природы,
Где тень душистее, красноречивей воды,
Улыбку первую приветствует весны!
Сын пасмурных небес полуночной страны,
Обвыкший к шуму вьюг и рёву непогоды,
Приветствую душой и песнью первый снег.
С какою радостью нетерпеливым взглядом
Волнующихся туч ловлю мятежный бег,
Когда с небес они на землю веют хладом!
Вчера ещё стонал над онемевшим садом
Ветр скучной осени, и влажные пары
Стояли над челом угрюмых горы
Иль мглой волнистою клубилися над бором;
Унынье томное бродило тусклым взором
По рощам и лугам, пустеющим вокруг;
Кладбищем зрелся лес; кладбищем зрелся луг.
Пугалище Дриад, приют крикливых вранов,
Ветвями голыми махая, древний дуб
Чернел в лесу пустом, как обнажённый труп,

И воды тусклые, под пеленой туманов,
Дремали мёртвым сном в безмолвных берегах;
Природа бледная, с унылостью в чертах,
Поражена была томлением кончины.
Сегодня новый вид окрестность приняла
Как быстрым манием чудесного жезла;
Лазурью светлую горят небес вершины,
Блестящей скатертью подёрнулись долины
И ярким бисером усеяны поля.
На празднике зимы красуется земля
И нас приветствует живительной улыбкой.
Здесь снег, как лёгкий пух, повис на ели гибкой;
Там, тёмный изумруд посыпав серебром,
На мрачной он сосне разрисовал узоры.
Рассеялись пары и засверкали горы,
И солнца шар вспылал на своде голубом.
Волшебницей зимой весь мир преобразован;
Цепями льдистыми покорный пруд окован
И синим зеркалом сравнялся в берегах.
Раздался шум забав: пренебрегая страх,
Сбежались смельчаки с берегов толпой игривой
И, празднуя зимы ожидаемый возврат,
По льду свистящему кружатся и скользят.
Там ловчих слышен крик; их взор нетерпеливой
Допрашивает след добычи торопливой:
На бегство робкого нескромный снег донёс;
С неволи спущенный за жертвой хищный пёс
Вверяется стремглав предательскому следу
И довершает нож кровавую победу.
Покинем, милый друг, темницы мрачный кров!
Красивый выходец кипящих табунов,
Ревнуя на бегу с крилатоногой ланью,
Топоча хрупкий снег, нас по полю помчит.
Украшен твой наряд лесов Сибирских данью;
И соболь на тебе чернеет и блестит.
Презревши стужи гнев и тщетные угрозы,
Румяных щёк твоих свежей алеют розы

И лилия свежей белеет на челе.
Как лучшая весна, как лучшей жизни младость,
Ты улыбаешься утешенной земле.
О пламенный восторг! в душе блеснула радость,
Как искры яркие на снежном хрустале.
Счастлив, кто испытал прогулки зимней сладостью!
Кто в тесноте саней с красавицей молодой,
Ревнивых не боясь, сидел нога с ногой,
Жал руку, нежную в самом сопротивленьи,
И в сердце девственном впервой любви смятеньи,
И думу первую, и первый вздох зажёг,
В победе сей других побед прирав залог.
Кто может выразить счастливец упоенье?
Как вьюга легкая, их окриленный бег
Браздами ровными прорезывает снег
И, ярким облаком с земли его взвевая,
Сребристой пылью вдруг окидывает их.
Стеснилось время им в один порывный миг.
По жизни так скользит горячность молодая
~~И жить торопится и чувствовать спешит!~~
Навраено прихотям вверяется различным;
Вдали увлекаема желаньем безграничным,
Пристанища себе она нигде не зрит.
Счастливые лета! Пора тоски сердечной!
Но что я говорю? Единый беглый день,
Как сон обманчивый, как привиденья тень,
Мелькнув, уносишь ты обман бесчеловечной!
И самая любовь, нам изменив как ты,
Приводит к опыту безжалостным уроком
И, чувства истощив, на сердце одиноком
Нам оставляет след угаснувшей мечты.
Но в памяти души живут души утраты.
Воспоминание, как чародей богатый,
Из пепла хладного минувшее зовёт
И глас умолкшему и праху жизнь даёт.
Пусть на омытые луга росой денницы
Красивая весна бросает из кошницы

Душистую лазурь и свежий блеск цветов;
Пусть, растворяя лес очарованьем нежным,
Влечёт любовников под кровом безмятежным
Предаться тихому волшебству сладких снов.
Не изменю тебе воспоминаньем тайным,
Весны роскошная смиренная сестра,
О сердца моего любимая пора!
С тоскою прежнею, с волнением обычайным,
Клянусь платить тебе признательную дань;
Всегда приветствовать тебя сердечной думой,
О первенец зимы, блестящей и угрюмой,
Снег первый, наших нив о девственная ткань!

1819

К ПАРТИЗАНУ-ПОЭТУ

Анакреон под доломаном,
Поэт, рубака, весельчак!
Ты с лирой, саблей иль стаканом
Равно не попадёшь впросак.
Носи любви и Марсу дани!
Со славой крепок твой союз,
В день брани — ты любитель брани!
В день мира — ты любитель Муз!
Душа, двойным огнём согрета,
В тебе не может охладеть:
На пламенной груди поэта
Георгия приятно зреть.
Воинским соблазнясь примером,
Когда б Парнас давал кресты,
И Аполлона кавалером
Давно, конечно, был бы ты.

1823

ПРОЩАНИЕ ВОИНА

(Романс)

Звучит труба; ряды сомкнулись в строй;
Отчизны глас нас призывает к мести:
Поддай мне меч нетрепетной рукой! —
Я возвращусь со славой с поля чести!

Когда сойдуся я меч на меч с врагом,
Ты будешь мне невидимый хранитель;
Любовник твой быть должен победитель!
Ты быть должна ко славе мне вождём!

Цветами ты усей возвратный путь!
Да мирт и лавр приветствуют героя!
Да склонит он на трепетную грудь
Главу свою, усталую от боя!

Мой щит, мой шлем повесишь ты с мечом!
Пусть освятят они твою обитель!
Пусть говорят, что я был победитель,
Что ты была ко славе мне вождём!

Но пыль взвилась! подвигнулись полки!
Прости! красы не омрачай слезами!
Сей твёрдый меч, сей дар твоей руки,
Предвестник мне победы над врагами!

Твоя мольба пред Вышним алтарём —
Сопутник мой и в буре битв хранитель!
Любовник твой быть должен победитель,
Ты быть должна ко славе мне вождём!

ДОРОЖНАЯ ДУМА

Колокольчик однозвучный,
Крик протяжный ямщика,
Зимней степи сумрак скучный,
Саван неба, облака!

И простёртый саван снежный
На холодный труп земли!
Вы в какой-то мир безбрежный
Ум и сердце занесли.

И в бесчувственности праздной,
Между бдения и сна,
В глубь тоски однообразной
Мысль моя погружена.

Мне не скучно, мне не грустно;
Будто роздых бытия!
Но не выразить изустно,
Чем так смутно полон я.

1830

К СТАРОМУ ГУСАРУ

(При выходе из печати его стихотворений)

Эй да служба! Эй да дядя!
Распотешил, старина!
На тебя, гусар мой, глядя,
Сердце вспыхнуло до дна.

Молодые ночи наши
Разгорелись в ярких снах;
Будто пиршеские чаши —
Снова сохнут на губах.

Будто мы не устарели —
Вьётся локон вновь в кольцо;
Будто дружеской артели —
Все ребята налицо.

Про вино ли, про свой ус ли,
Или прочие грехи
Речь заводишь: словно гусли
Разыграются стихи.

Так и скажут, так и льются,
Крупно, звонко, горячо,
Кровь кипит, ушки смеются
И задёргало плечо.

Подмывают, как волною, —
Душу грешника прости! —
Подпоясавшись, с тобою
Гаркнуть, топнуть и пройти.

Чорт ли в тайнах идеала,
В романтизме и в луне, —
Как усатый запевала
Запоёт о старине!

Буйно рвётся стих твой пылкий,
Словно пробка в потолок,
Иль Мозга из бутылки
Брызжет хладный кипяток!

С одного хмельного духа
Закружится голова,

И мерещится старуха,
Наша сверстница Москва.

Не Москва, что ныне чинно
В шапке, в тёплых сапогах,
И проводит дни *невинно*
На воде и на водах,—

Но двенадцатого года
Веселая голова,
Как собиралась непогода,
А ей было трын-трава!

Но пятнадцатого года,
В шумных кликах торжества,
Свой пожар и блеск похода
Запивавшая Москва!

Весь тот мир, вся эта шайка
Беззаботных молодцов
Ожили, мой ворожайка!
От твоих волшебных слов.

Силой чар и зелий тайных,
Ты из старого кремня
Высек несколько случайных
Искр остывшего огня.

Бью челом, спасибо дядя!
Спой ещё когда-нибудь,
Чтобы мне тебе подладя,
Стариной опять тряхиуть.

Нет, нет, не верьте мне: я пред собой лукавил,
Когда я вас на спор безумно вызывал;
Ваш Май, ваш Петербург порочил и бесславил,
И в ваших небесах я солнце отрицал.

Во лжи речей моих глаза уликой были:
Я вас обманывал — но мог ли обмануть?
Взглянули б на меня, и первые не вы ли.
К тому, что мыслю я, легко нашли бы путь?

Я Петербург люблю, с его красою стройной,
С блестящим поясом роскошных островов,
С прозрачной ночью — дня соперницей беззнойной,
И с свежей зеленью младых его садов.

Я Петербург люблю, к его пристрастен лету:
Так пышно светится оно в водах Невы;
Но более всего, как не любить поэту
Прекрасной родины, где царствуете вы.

Природы северной любуюся зеркалом,
В вас любит он её величье, тишину,
И жизнь, цветущую под хладным покрывалом,
И зиму яркую, и краткую весну.

Роскошен жаркий юг, с своим сияньем знойным
И чудно-знойными глазами жён и дев —
Сим чутким зеркалом их думам беспокойным,
В котором так кипят восторг и гнев.

Обворожительны их прелестей зазывы,
Их нега, их тоска, их пламенный покой,
Их бурных прихотей неожиданные порывы,
Как вспышки молнии из душевной тьмы ночной.

Любовь беснуется под воспалённым югом;
Не ангелом она святит там жизни путь —
Она горит в крови отравой и недугом
И уязвляет в кровь болезненную грудь.

Но сердцу русскому есть красота иная,
Сын Севера признал другой любви закон:
Любовью чистою таинственно сгорая,
Кумир божественный лелеет свято он.

Красавиц северных он любит безмятежность,
Чело их, чуждое язвительных страстей,
И свежесть их лица, и плеч их белоснежность,
И пламень голубой их девственных очей.

Он любит этот взгляд, в котором нет обмана,
Улыбку свежих уст, в которой лести нет,
Величье стройное их царственного стана
И чистой прелести ненарушимый цвет.

Он любит их речей и ласк неторопливость,
И в шуме светских игр приметные едва,
Но сердцу внятные: чувствительности живость
И, чувством звучные, немногие слова.

Красавиц севера царица молодая!
Чистейшей красоты высокий идеал!
Вам глаз и сердца дань, вам лиры песнь живая
И лепет трепетный застенчивых похвал.

1832

ТРОЙКА

Тройка мчится, тройка скачет,
Вьётся пыль из-под копыт;
Колокольчик звонко плачет,
И хохочет, и визжит.

По дороге голосисто
Раздаётся яркий звон:
То вдали отбрякнет чисто,
То застонет глухо он.

Словно леший ведьме вторит
И аукается с ней,
Иль русалка тараторит
В роще звучных камышей.

Русской степи, ночи тёмной
Поэтическая весть!
Много в ней и думы тёмной
И раздолья много есть.

Прянул месяц из-за тучи,
Обогнул своё кольцо
И посыпал блеск зыбучий
Прямо путнику в лицо.

Кто сей путник? и стболе
И далёк ли путь ему?
По неволе, иль по воле
Мчится он в ночную тьму?

На веселье, иль кручину
К ближним ли под кров родной,
Или в грустную чужбину
Он спешит, голубчик мой?

Сердце в нём ретиво рвётся
В путь обратный, или в даль?
Встречи ль ждёт он, не дожётся,
Иль покинутого жаль?

Ждёт ли перстень обручальный,
Ждут ли путника пиры,

Или факел погребальный
Над могилою сестры?

Как узнать? Уж он далёко!
Месяц в облако нырнул,
И в пустой дали глубоко
Колокольчик уж заснул.

1834

НА ПАМЯТЬ

В края далёкие, под небеса чужие,
Хотите вы с собой на память перенести
О ближних, о стране родной живую весть,
Чтоб стих мой сердцу мог в минуты неземные,
Как верный часовой, откликнуться: Россия!
Когда беда придёт, иль просто как-нибудь
Тоской по родине занеет ваша грудь,
Не ждите от меня вы радостного слова:
Под свежим трауром печального покрова,
Сложив с главы своей венок блестящих роз,
От речи радостной, от песни вдохновенной
Отвыкла муза: ей над урной драгоценной
Отныне суждено быть музой вечных слёз,
Одною думою, одним событием полный,
Когда на чуждый брег вас переносят волны,
И звуки родины должны в последний раз
Печально врезаться и отзываться в вас,
На память и в завет о прошлом в мире новом
Я вас напутствую единым скорбным словом,
Затем что скорбь моя превыше сил моих,
И, верный памятник сердечных слёз и стона,
Вам затвердит одно рыдающий мой стих:
Что яркая звезда с родного небосклона
Внезапно сорвана средь бури роковой,

Что песни лучшие поэзии родной
Внезапно замерли на лире онемелой,
Что пал во всей поре красоты и славы зрелой
Наш лавр, наш веций лавр, услада наших дней,
Который трепетом и сладкозвучным шумом
От сна воспрянувших пророческих ветвей
Вещал глагол богов на севере угрюмом,
Что навсегда умолк любимый наш поэт,
Что скорбь постигла нас, что Пушкина уж нет!

1857

ПЕСНЬ В ДЕНЬ ЮБИЛЕЯ И. А. КРЫЛОВА

На радость полувековую
Скликает нас весёлый зов.
Здесь с музой свадьбу золотую
Сегодня празднует Крылов.
На этой свадьбе все мы сватья
И не к чему таить вину:
Все за одно, все без изъятья,
Мы влюблены в его жену.

Длись счастливою судьбою
Нить любезных нам годов!
Здравствуй, с милою женою,
Здравствуй, дедушка Крылов!

И этот брак был не бесплодный,
Сам Феб его благословил!
Потомству наш поэт народный
Свое потомство укрепил.
Изба его детьми богата,
Под сенью брачного венца:
И дети славные ребята!
И дети все умны — в отца!

Длись судьбами всеблагими
Нить любезных нам годов!
Здравствуй, с детками своими,
Здравствуй, дедушка Крылов!

Мудрец игривый и глубокий,
Простосердечное дитя,
И дочкам он давал уроки,
И батюшек учил шутя.
Искусством ловкого обмана
Где и кольнёт из-под пера:
Так Пётр кивает на Ивана,
Иван кивает на Петра.

Длись счастливою судьбою
Нить любезных нам годов!
Здравствуй, с милою женою,
Здравствуй, дедушка Крылов!

Где нужно, он навесть умеет
Своё волшебное стекло,
И в зеркале его яснее
Суровой истины чело.
Весь мир в руках у чародея,
Все твари дань ему несут:
По дудке нашего Орфея
Все звери пляшут и поют.

Длись судьбами всеблагими
Нить любезных нам годов!
Здравствуй, с детками своими,
Здравствуй, дедушка Крылов!

Забавой он людей исправил,
Сметая с них пороков пыль;
Он баснями себя прославил,
И слава эта — наша быль.
И не забудут этой были

Пока по-русски говорят:
Её давно мы затвердили,
Её и внуки затвердят.

Длись счастливою судьбою
Нить любезных нам годов!
Здравствуй, с милою женою,
Здравствуй, дедушка Крылов!

Чего ему нам пожелать бы?
Чтобы от свадьбы золотой
Он дожил до алмазной свадьбы
С своей столетнею женой.
Он так беспечно, так досужно
Прошёл со славой долгий путь,
Что до ста лет не будет нужно
Ему прилечь и отдохнуть.

Длись судьбами всеблагими
Нить любезных нам годов!
Здравствуй, с детками своими,
Здравствуй, дедушка Крылов!

1838

ПАМЯТИ ЖИВОПИСЦА ОРЛОВСКОГО

(Отрывок)

Грустно видеть, Русь святая,
Как в степенные года
Наших предков удалая
Изнемечилась езда.

То ли дело встарь: телега,
Тройка, ухарский ямщик;
Ночью дуешь без ночлега,
Днём же высунув язык.

Но зато как всё кипело
Беззаботным удалством!
Жизнь — копейка! бей же смело,
Да и ту поставь ребром!

Но как весело, бывало,
Раздавался под дугой
Голосистый запевало,
Колокольчик рассыпной.

А когда на водку гривны
Ямщику не пожалеть,
Что за песни заунывны
Он начнёт, сердечный, петь!

Север бледный, Север плоский,
Степь, родные облака —
Всё сливалось в отголоски,
Где слышна была тоска;

Но тоска, струя живая
Из родного тайника,
Полюбовная, святая,
Молодецкая тоска.

Сердце сердцу весть давало
И из тайной глубины
Всё бывшее выкликало
И все слёзы старины.

Не увидишь, как проскачешь,
И не чувствуешь скачков,
Ни как сердцем сладко плачешь,
Ни как горько для боков.

А проехать ли случится
По селенью в красный день?

Наш ямщик приободрится,
Шляпу вздернет набекрень.

Как он гаркнет, как присвистнет
Горячо по всем по трём,
Вороних он словно вспрыснет
Вдохновительным кнутом.

Тут знакомая светлица
С расписным своим окном:
Тут его душа девица
С подарённым перстеньком.

Правнявшись, он немножко
Возжи в руки приберёт,
И растворится окошко,
Словно солнышко взойдёт.

И покажется касатка,
Белоликая краса;
Что за очи! за повадка!
Что за русая коса!

И поклонами учтиво
Разменялися они,
И сердца в них молчаливо
Отзвалися сродни.

СТЕПЬ

Бесконечная Россия,
Словно вечность на земле!
Едешь, едешь, едешь, едешь
Дни и вёрсты ни по чём!
Тонут время и пространство
В необъятности твоей.

Степь широка на просторе
Поперёк и вдоль лежит,
Словно огненное море
Зноём пышет и палит.

Цепенеет воздух сжатый,
Не пахнёт на душный день
С неба ветерок крылатый,
Ни прохладной тучки тень.

Небеса, как купол медной,
Раскалились. Степь гола;
Кое-где пред хатой бедной
Сохнет бедная ветла.

С кровли аист долгоногой
Смотрит, верный домосед;
Добрый друг семьи убогой
Он хранит её от бед.

Шагом с важностью спокойной
Тащут тяжести волю;
Пыль метёт метелью знойной,
Вьюгой огненной золы.

Как разбитые палатки
На распутии племён,—
Вот курганы, вот загадки
Неразгаданных времён.

Пусто всё, однообразно,
Словно замер жизни дух;
Мысль и чувство дремлют праздно,
Голодают взор и слух.

Грустно! Но ты грусти этой
Не порочь и не злословь!

От неё в душе согретою
Свято теплится любовь.

Степи голые, немые,
Всё же вам и песнь, и честь,
Всё вы — матушка Россия,
Какова она ни есть!

1849

ПОЛТАВА

(Отрывок)

Вот они — поля Полтавы!
Здесь, воспитанный Петром,
Обновил орёл двуглавый
Сокрушительный свой гром.

Здесь был смелый жребий кинут,
Здесь решён веков вопрос
И в состав Европы вдвинут
Новый Северный колосс.

Здесь рассадник Русской славы;
Степь оделась в вертоград —
И добравшись до Полтавы,
Утомлённый путник рад.

Былью славной для народа
Город, Русским всем родной!
И преданья, и природа
Облекли его красой.

Опоясанный садами,
Как он свеж и моложав!

Как увенчан он цветами
И венком пахучих трав!

Воздух сладостно-струистой
Благовоньем напоён;
Здесь с акацией душистой
Стройный тополь, тёмный клён

Разрослись красою чудной —
И блестят из-за садов,
Как из рамы изумрудной,
Стены белые домов.

1849

ПАМЯТНИК ПЕТРУ 1-му В КАРЛСБАДЕ

Великий Пётр! Твой каждый след
Для сердца Русского есть памятник священный —
И здесь, средь гордых скал, твой образ незабвенный
Встаёт в лучах любви, и славы, и побед.
Нам святы о тебе преданья вековые,
Жизнь Русская тобой ещё озарена,
И памяти твоей, Великий Пётр, верна Твоя великая Россия!

1858

МАСЛЯНИЦА НА ЧУЖОЙ СТОРОНЕ,

Здравствуй, в белом сарафане
Из серебряной парчи!
На тебе горят алмазы,
Словно яркие лучи.

Ты живительной улыбкой,
Свежей прелестью лица
Пробуждаешь к чувствам новым
Усыпленные сердца.

Здравствуй, Русская молодка,
Раскрасавица-душа,
Белоснежная лебёдка,
Здравствуй, матушка зима!

Из-за льдистого Урала
Как сюда ты невзначай,
Как, родная, ты попала
В бусурманский этот край?

Здесь ты, сирая, не дома,
Здесь тебе не по нутру;
Нет приличного приёма
И народ не на юру.

Чем твою мы милость встретим?
Как задать здесь пир горой?
Не сумеь им, Немцам этим,
Поздороваться с тобой.

Не напрасно дедов слово
Затвердил народный ум:
„Что для Русского здорово,
То для немца карачун“.

Нам не страшен снег суровый.
С снегом — батюшка-мороз, —
Наш природный, наш дешёвый
Пароход и паровоз.

Ты у нас краса и слава,
Наша сила и казна,
Наша бодрая забава,
Молодецкая зима!

Скоро масляницы бойкой
Закипит широкий пир;

И блинами и настоек
Закутит крещёный мир.

В честь тебе и ей — Россия,
Православных предков дочь,
Строит горы ледяные
И гуляет день и ночь:

Игры, братские попойки,
Настежь двери и сердца!
Пышут бешеные тройки,
Снег топоча у крыльца.

Вот взвились и полетели,
Что твой сокол в облаках!
Красота ямской артели
Возжи ловко сжал в руках.

В шапке, в синем полушубке
Так и смотрит молодцом,
Погоняет закадычных
Свистом, ласковым словом.

Мать дородная в шубейке
Важно в розвальнях сидит,
Дочка рядом в душегрейке
Словно маков цвет горит.

Яркой пылью иней сыплет
И одежду серебрит,
А мороз, лаская, щиплет
Нежный бархатец ланит.

И белее, и румяней,
Дева блещет красотой,
Как алеет на поляне
Снег под утренней зарей.

Мчатся вихрем без помехи
По полям и по рекам,
Звонко щёлкают орехи
На веселие зубкам;

Пряник, мой однофамилец,
Также тут не позабыт,
А наш пенник, наш кормилец
Сердце лобо веселит.

Разгулялись город, сёла,
Загуляли стар и млад;
Всем зима родная гостья,
Каждый маслянице рад.

Нет конца веселым кликам,
Песням, удали, пирам,
Где тут Немцам горемыкам
Вторить вам, богатырям?

Сани здесь — подобной дряни
Не видал я на веку:
Стыдно сесть в чужие сани
Коренному Русаку.

Нет, красавица, не место
Здесь тебе, не обиход:
Снег здесь — рыхленькое тесто,
Вял мороз и вял народ.

Чем почтят тебя, сударку?
Разве кружкой пивной
Да копеечной сигаркой,
Да копчёной колбасой.

С пива только кровь густеет,
Ум раскиснет и лицо;

То ли дело, как прогреет
Наше рьяное вино?

Как шепнёт оно в догадку
Ретивому на ушко:—
Не споёт, ей-ей, так сладко
Хоть бы вдовушка Кликко!

Выпьет чарку чародейку
Забубенный наш земляк:
Жизнь копейка!— смерть злодейку
Он считает за пустяк.

Немец к мудрецам причислен,
Немец дока для всего.
Немец так глубокомыслен,
Что провалишься в него.

Но по нашему покрою,
Если Немца взять врасплох,
А особенно зимою,—
Немец, воля ваша, плох.

1853

РЯБИНА

Тобой, красивая рябина,
Тобой, наш русский виноград,
Меня потешила чужбина,
И я землячке милой рад.

Любуюсь встречею случайной:
Ты так свежа и хороша!
И на привет твой думой тайной
Задумалась моя душа.

Меня минувшим освежило,
Его повеяло крыло,
И в душу глубоко и мило
Дней прежних запах нанесло.

Всё пережил я пред тобою,
Всё перечувствовал я вновь —
И радость пополам с тоскою,
И сердца слёзы и любовь.

Одна в своём убранстве алом,
Средь обезлиственных дерёв,
Ты вся обвешана кораллом,
Как шея черноглазых дев.

Забыв и озера картину,
И снежный пояс тёмных гор,
В тебя, родную мне рябину,
Впился мой ненасытный взор.

И предо мною — Русь родная;
Знакомый пруд, знакомый дом;
Вот и дорожка столбовая
С своим зажиточным селом.

Красавицы, сцепивши руки,
Кружок весёлый заплели,
И хороводной песни звуки
Перекликаются вдали.

„Ты рябинушка, ты кудрявая,
„В зеленом саду пред избой цветы,
„Ты кудрявая, моложавая,
„Белоснежный пух — кудри, цвет твои;

„Убери себя алой бусою,
„Ярких ягодок загорись красой;

„Заплету я их с темнорукою,
„С темнорукою заплету косой.

„И на улицу, на широкую
„Выду радостно на закате дня,
„Там мой суженый черноокою,
„Черноокою сторожит меня“.

Но песней здесь по околотку
Не распевают в честь твою:
Кто словом ласковым сиротку
Порадует в чужом краю?

Нет, здесь ты пропадаешь даром,
И среди спесивых винных лоз
Не в прок тебя за летним жаром
Прихватит молодой мороз.

Потомка новой Элоизы,
В сей романтической земле,
Заботясь о хозяйстве мызы,
Или, по-здешнему — шале,

Своим Жан-Жаком как ни бредит,
Свой скотный двор и сыр любя,
Плохая ключница, — не цедит
Она наливки из тебя.

В сей стороне неблагодарной,
Где ты растешь особняком,
Рябиновки злато-янтарной
Душистый нектар незнаком.

Никто понятия не имеет,
Как благодетельный твой сок
Крепит желудок, сердце греет,
Вдыхая сладостный хмель.

Средь здешних всех великолепий
Ты, в одиночестве своём,
Как роза средь безлюдной степи,
Как светлый перл на дне морском.

Сюда заброшенный случайно,
Я, горемычный, как и ты,
Делю один с тобою тайно
Души раздумье и мечты,

Так я один в чужбине дальней
Тебя приветствую тоской,
Улыбкою полу-печальной
И полу-радостной слезой.

1851

БЕРЕЗА

Средь избранных дерев берёза
Не поэтически глядит;
Но в ней — душе родная проза
Живым наречьем говорит.

Милей всех песней сладковзвучных,
От ближних радостная весть,
Хоть пара слов собственноручных,
Где сердцу много что прочесть,

Почтовый фактор на чужбине
Нам всем приятель дорогой;
В лесу он просек, ключ в пустыне,
Нам проводник в стране чужой.

Из нас кто мог бы хладнокровно
Завидеть русское клеймо?
Нам здесь и ты, берёза, словно
От милой матери письмо.

1855

I

Как хороша Москва весною,
Как хороша весна в Москве!
Над этой пёстрой громадой
День яркий блещет в синеве.

Благоуханья полон воздух,
Он веет мягкой теплотой,
И упоительная нега
Несётся сладкою струей.

Всё дышит жизнью и весельем,
Всё празднует цветущий Май:
Сады зелёным ожерельем
Переплелись из края в край.

Из волн воздушных выплывая,
Златые куполы горят;
Кресты, как серафимов стая,
С земли на небеса парят.

С холмов Москвы вперяю очи
В широкий, дальний небосклон:
Монастыри, леса и сёла
Красуются со всех сторон.

Поившая своей волною
Давно минувшие века,
Там вьётся светлой полосой
Смиренная Москва-река.

Ее изгибами игриво
Объаты жатвы и луга:
Карамзинным красноречиво
Ее воспеты берега.

Строений всех цветов и водчеств;
А надписи на воротах
Набор таких имен и отчеств,
Что просто зарядит в глазах.

Здесь чудо барские палаты
С гербом, где вписан знатный род.
Вблизи на курьих ножках хаты
И с огурцами огород.

Поэзия с торговлей рядом,
Ворвался Манчестер в Царь-град,
Паровики дымятся смрадом,
Рай неги и рабочий ад.

Кузнецкий мост давно без кузниц,
Парижа пёстрый уголок,
Где он вербует Русских узниц,
Где он собирает с них оброк.

А тут Российский самородок,
Не переплавлен, не почат,
Степану-Кучке одногодок,
И уцелевший до внучат.

Всё это так — и тем прекрасней!
Разнообразье — красота:
Быль жизни, с своенравной басней,
Здесь хлам, там свежая мечта.

Здесь личность есть и самобытность,
Кто Я, так я, не каждый Мы:
Чувств подчинённость или скрытность
Не заморозили умы.

Нет обстановки хладно-вялой,
Упряжки общей, общих форм,

Что конь степной, здесь каждый малой
Разнуздан на подножный корм.

У каждого свои причуды
И свой аршин с своим коньком.
Свой нрав, свой толк и пересуды
О том, о сём, и ни о чём.

Москва! под оболочкой пёстрой
Храни свой самородный быт!
Пусть Грибоедов шуткой острой
Тебя насмешливо явит,

Ты не смущайся, не меняйся,
Веками вылитая в медь,
На Кремль свой гордо опирайся
И чем была, тем будь и впредь.

Величье есть в твоём упадке,
В рубцах твоих истёртых лат!
Есть прелесть в этом беспорядке
Твоих разбросанных палат,

Твоих садов и огородов,
Высоких башен, пустырей,
С железной мачтою заводов
И с колокольнями церквей!

Есть прелесть в дружбе хлебосольной
Гостеприимных Москвичей,
В их ясности самодовольной,
В игре невинных их затей.

Здесь повсеместный и всегдашний
Есть Русский склад, есть Русский дух,
Начать от Сухаревой башни
И кончить сплетнями старух.

ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ САД ЗИМОЮ

I

С улыбкою оледенелой
Сошла с небес суровых дочь,
И над землей сребристо-белой
Белеет северная ночь.

Давно ль здесь пестротой чудной
Сапфир, рубин и бирюза
Сливались с тенью изумрудной,
Чаруя жадные глаза?

Зимы покров однообразный
Везде сменил наряд цветной,
Окован сад броней алмазной
Рукой волшебницы седой.

В дому семьи осиротелой,
Куда внезапно смерть вошла,
Задёрнуты завесой белой
С златою рамой зеркала.

Так снежной скатертью печальной
Покрыты и объаты сном
И озеро с волной зеркальной,
И луг с цветным своим ковром.

Природа в узах власти гневной,
С смертельной белизной в лице,
Спит заколдованной царевной
В своём серебряном дворце.

II

Но и природы опочившей
Люблю я сон и тишину:

Есть прелесть в ней, и пережившей
Свою прекрасную весну.

Есть жизнь и в сей немой картине,
И живописен самый мрак:
Деревьям почерневшим иней
Дал чудный образ, чудный лак.

Обрызгал их холодным блеском
Своих гранёных хрусталей,
Он вьётся ярким арабеском
Вдоль обезлиственных ветвей.

Твой Бенвенуто, о Россия,
Наш доморощённый мороз
Вплетает звёзды ледяные
В венки пушисто-снежных роз.

Куёт он дивные изделия
Зиме, зазнобушке своей,
И наряжает в ожерелья
Он шею мрамора белей.

III

Когда наступит вечер длинный,
Объятый таинством немым,
Иду один я в сад пустынный
Бродить с раздумием своим.

И много призрачных видений
И фантастических картин
Мелькают, вынырнув из тени
Иль соскочив с лесных вершин.

Они сшибаются друг с другом,
И, налетев со всех сторон,

То нежат лаской, то испугом
Тревожат мыслей чуткий сон.

А между тем во тьме безбрежной
Оцепенело всё кругом,
В волшебном царстве, ночи снежной,
В саду, обросшем серебром.

Но в этой тишине глубокой,
Питающей дремоту дум,
Местами слышен одинокий
Переливающийся шум

Под хладной снежной пеленою
Тень жизни внутренней слышна,
И, с камнем падая, с волною
Перекликается волна.

1861

ПЁТР АЛЕКСЕЕВИЧ

Когда, как будто вихрь попутный,
Приспособляя крылья нам,
Уносит нас вагон уютный
По русским дебрям и степям,

Благословляю я чугунок.
И вдруг мне что-то говорит:
На нас, весь вытянувшись в струнку,
Пётр Алексеевич глядит.

Почуя гул необычайной,
Царь встал тревожно из земли
И с любопытством, думой тайной
Вперил на нас глаза свои.

В уме недолго он пошарил,
Всю важность дела он смекнул
И по лбу вдруг себя ударил
И тяжко, наш родной, вздохнул.

Чудовищем любуясь жадно,
Ему отвесил он поклон,
Но всё ж голубчику досадно,
Что чорт сей не при нём рождён.

Пар, эту пятую стихию,
Ещё не выдумал народ,
А царь наш матушку Россию
На всех парах уж гнал вперёд.

Встав спозаранку, чарку хватит,
Подаст к походу зычный свист
И сплошь свою громаду катит
Наш венценосный машинист.

Не зная тундр, ни буераков,
Он то и дело бороздит,
Не угадавши, что Аксаков
Его за это пожурит.

Так твёрдо тендер свой державной
Он в руки мощные забрал,
Мир с рельсов ковки стародавней
По новым круто нас помчал,

Россию он вогнал в Европу,
Европу к нам он подкатил
И, пристрастившись к телескопу,
Окно он в море прорубил.

Морская зыбь — его веселье!
И сам катается по ней,

И погостить на новоселье
Скликает стаи кораблей.

Быть может, скажут: „Засиделись
Мы слишком долго у окна
И на чужое заглазелись...“
Но полно! тут его ль вина?

Он окончательного слова
Сказать, наш зодчий, не успел,
И не достроена основа
Великих помыслов и дел.

Как бы то ни было, на славу
Из ботика развёл он флот,
По-русски отстоял Полтаву
И Питер вызвал из болот.

Нам скажут: „Русь он онемечил!“
Нет, извините, господа!
Россию он очеловечил
Во имя мысли и труда.

Пётр был не пошлый подражатель
Одних обычаев и мод;
Нет, с бою взял завоеватель
То, в чём нуждался наш народ.

Хоть сам был средним грамотеем,
Науку ввёл к нам напролом:
Всё, что мы знаем, что имеем,
Всему он крестным был отцом,

В его училище и ныне —
Урок для всякого добра;
Да и Второй Екатерине
Не быть без Первого Петра.

Он в царстве тьмы, во время оно,
Один в грядущее проник,
Один был собственной персоной
Свой телеграф и паровик.

Но мысль его, прижавши крылья,
На долгих совершала путь.
И не могли бойца усилъя
И даль, и время в ком сомкнуть.

Что вряд приснится ли любому,
Он на яву свершил один:
Но всё же шёл он по-людскому,
Хоть и шагал, как исполин.

В свой краткий век он жил сторично,
Бессмертья заживо достиг:
Он труд веков обделал лично
И своеручный мир воздвиг.

Учёных не прося совета,
Он знал не хуже англичан,
Что время — та же есть монета, —
И он пускал её в чекан.

Везде пройдёт, где есть лазейка.
Где нет — пробьёт и впустит труд!
Час каждый, каждая копейка
На пользу и в процент идут.

Хоть сам он был державным зодчим,
Учиться побежал в Сардам
И там, трудясь чернорабочим,
Блеск придал царственным рукам.

Он пиво пил, курил он кнастер,
Кутил, но делу не в ущерб,

И из кутилы вышел мастер,
Которым славен русский герб.

В Карлсбаде, где силач наш хворый
Пил самородный кипяток,
Где с Лейбницею вступал он в споры
И тут же первый был стрелок,

С седла сбивая смысл немецкий,—
Карлсбад то в хронику вписал —
Верхом на Гишпрунг молодецки
Он с русской удалью вскакал.

Так он вскакал и на Россию
И за собой ее повлек,
Коню скрутил немножко выю,—
Но уж таков был наш ездок!—

Он крут был малую толику,
Но бодры в нём и дух, и плоть,
И мощью на добро владыку
Сам наделил его господь.

Какого ж русского вам надо,
Когда и он отмечен в брак?
Природы русской тип и чадо,
Наирусейший из русак!

Нет, нет, он — наш! и первой масти
В нём русских доблестный залог,
И согрешил ли в чём,— так страсти
В нём тот же русский дух разжёт.

Пусть он подписывался Peter,
Но пред отечеством на смотр
Всё ж выдет из заморских литер
На русский лад: Великий Пётр.

Уж то-то задал бы он тряску,
Когда про коврик-самолёт
Он мог бы в быль упрочить сказку
Без лишних справок и хлопот;

Когда б он, сил своих в избытке,
Всю Русь мог обручем спаять,
Её ж по проволочной нитке
Заставить прыгать и плясать:

Раздолье было б мощной воле!
Пар — электричеству сродни,
И в русском скороспелом поле
Сегодня сей, а завтра жни.

Вот отчего, когда стрелою
Наш поезд огненный летит,
На нас с завистливой тоскою
Пётр Алексеевич глядит.

Утешься, сокол наш родимый!
Не ты ль нас закалил в борьбе?
Нет, не пройдёт над Русью мимо
Святая память о тебе.

Что ты задумал, что с любовью
Посеял щедрою рукой,
Когда работал ты над новью
Земли, распаханной тобой,

Всё дало плод, даёт задаток.
Твой мудрый светоч не погас!
И наш петровский отпечаток
Веками не сотрётся с нас!

МОСКВА

Город холмов и оврагов,
Город зелёных садов,
Уличных пёстрых зигзагов,
Чистых и всяких прудов.

Город — церковей не дочтёшься,
Их колокольный напев
Слушая, к небу несёшься,
Душу молитвой согрев.

Гордым величьем красуясь,
Город с кремлёвских вершин
Смотрит в поляны, любуясь
Прелестью свежих картин.

Лентой река голубая
Тихо струится кругом,
Жатвы, леса огибая,
Стены боярских хором.

Иноков мирных жилища, —
Веры народной ковчег, —
Пристани жизни — кладбища
Общий семейный ночлег.

Город причудливо странный,
Красок и образов смесь:
Древности благоуханной
Веет поэзия здесь.

Город — восточная сказка!
Город — российская быль!
Хартий нам родственных связка,
Святы их ветхость и пыль.

Молча читает их время!
С заревом славных веков
Льётся на позднее племя
Доблестный отблеск отцов.

Город минувшего! Старче
С вечно молодою душой
Всё и священной, и ярче
Блещет своей сединой.

Город сердечных страданий,
Город — моя колыбель:
Здесь мне в года обаяний
Жизни мерещилась цель.

Сколько здесь жизни я прожил,
Сколько растратил я сил!
Мысли и чувства тревожил
Юный, заносчивый пыл.

Позже смирилась отвага,
Волны души улеглись,
Трезвые радость и блага
В светлом затишьи слились.

Думы окрепли, созрели,
В опыте, в бденье, в борьбе:
Новые грани и цели
Жизнь призывала к себе.

Дружбы звезда засияла,
Дружба согрела мне грудь,
Душу мою воспитала,
Жизни украсила путь.

Прелесть труда, наслажденье
Мысль в стройный образ облечь,

Чувству найти выражение,
Тайнам сердечным дать речь!

Творчества тихая радость,
Внутренней жизни очаг,
Вашу вкусил я здесь сладость
В чистом источнике благ.

Ныне, когда мне на плечи
Тяжкие годы легли,
С ними надежды далече
В тайную глубь отошли.

В памяти набожной ныне
Прошлым нежней дорожу:
Старый паломник, к святыне
Молча к Москве подхожу.

Жертвы вечерней кадилом
Будет Москве мой привет,
В память о прошлом, мне милом,
Братьям, которых уж нет.

Манит меня их дружина,
Полный раздумья стою:
Благословила бы сына,
Милую мать молю.

1868

ПОМИНКИ ПО БОРОДИНСКОЙ БИТВЕ

Посвящается Дмитрию Гавриловичу Бибикову

(Отрывок)

I

Милорадовича помню
В битве при Бородине:
Был он в шляпе без султана
На гнедом своём коне.

Бодро он и хладнокровно
Вел полки в кровавый бой,
Строй за строем густо, ровно
Выступал живой стеной.

Только подошли мы ближе
К средоточию огня,
Взвизгнуло ядро и пало
Перед ним, к ногам коня.

И сердито землю роя
Адским огненным волчком,
Не затронуло героя,
Но осыпало песком.

„Бог мой!“ — он сказал с улыбкой,
Указав на вражью рать, —
„Нас завидел неприятель
И спешит нам честь отдать“.

II

И Кутузов предо мною,
Вспомню ль о Бородине:
Он и в белой был фуражке,
И на белом был коне.

Через плечо повязан шарфом,
Он стоит на высоте,
И над старцем блещет ярко
День в осенней красоте..

Старца бодрый вид воинствен.
Он средь полчищ одинок,
Он бесстрастен, он таинствен,
Он властителен, как рок.

На челе его маститом,
Пролетевшею насквозь
Смертью много раз пробитом,
Пламя юное зажглось —

Пламя дум, грозой созревших,
В битве закалённых дум.
Он их молча вопрошает
Сквозь пальбу, огонь и шум,

Мыслью он парит над битвой,
И его орлиный взгляд
Движет волею и силой
Человеческих громад.

А его молниеносцы
Ждут внимательно кругом,
Чтоб, по слову полководца,
Зарядить крылатый гром.

От вождя к вождю обратно
Мчатся быстрые гонцы,
Но иного безвозвратно
Смерть хватает на лету!

Против нас дружины, ужас
Завоеванных земель,
Записавшие победу
С давних лет в свою артель;

Славой блещущие лица
И в главе их — вождь побед,
Гордым солнцем Аустерлица
Загоревшее лицо.

Но бледнеет это солнце
И течёт на запад свой,

А войдёт другое солнце
Над пылающей Москвой.

И впервые в грудь счастливец
Недоверья хлад проник:
Так с учителем заспорил
Седовласый ученик.

К острову Святой Елены
Здесь проложен первый шаг,
И Кремля святые стены
В казнь себе усвоит враг.

День настал! Мы ждали битвы,
Все возрадовались ей:
Шли давно о ней молитвы
Приунывших усачей.

И на пир весёлый словно
Каждый радостно летит,
Будь у каждого три жизни,
Он всех трёх не пощадит!

Никогда ещё в подлунной
Не кипел столь страшный бой:
Из орудий ад чугунный
Разразившись поднял вой.

Целый день не умолкает,
Извергая смерть кругом;
Строй за строем исчезает
Под убийственным огнём.

Но пылают мщенья гневом
Снова свежие ряды.
Свежей кровью и посевом
Смерть плодит свои бразды,

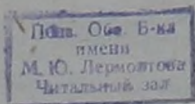
Словно два бойца во злобе,
Набежала рать на рать;
Грудью в грудь вломились обе,
Чтоб противника попрасть.

Но победа обоюдно
То даётся нам, то им;
В этот день решить бы трудно,
Кто из двух непобедим.

Крепнет боевая выюга,
Всё сильней растёт она,
И сцепившихся друг в друга
Разнимает ночь одна.

Грозный день сей Бородинский
Им и нам в почёт равно.
Славься битвой исполинской,
Славься в век, Бородино!

1869

СОДЕРЖАНИЕ

В. Другов. Стихи Вяземского	3
К Жуковскому	9
Русский пленник в стенах Парижа	11
Вечер на Волге	13
✓ Петербург (Отрывок)	15
✓ Первый снег	16
К партизану-поэту	19
Прощание война (Романс)	20
Дорожная дума	21
К старому гусару (При выходе из печати его слихотворений)	21
Разговор 7 апреля 1832 года	24
Тройка	25
На память	27
Песнь в день юбилея И. А. Крылова	28
Памяти живописца Орловского (Отрывок)	30
Степь	32
Полтава (Отрывок)	34
Памятник Петру 1-му в Карлсбаде	35
Масляница на чужой стороне	35
Рябина	39
Берёза	42
Очерки Москвы	43
Царскосельский сад зимою	48
Пётр Алексеевич	50
Москва	56
Поминки по Бородинской битве (Отрывок)	58

Редактор А. Котов

Подписано к печати 17/V 1944 г.
А-7859. Тираж 25000 экз.
2 печ. л. 2,6 уч.-авт. л. Заказ 807
Цена 2 р.

С-я тип. треста «Полиграфкнига» Сгиза
при СНК РСФСР.
Москва, 1-й Самотечный пер., 17

